

ку алхимичку *Марию Циглер* за обманный златодельческий рецепт. В 1686 году маркграф *Георг Вильгельм Байретский* за то же самое вздернул *Вильгельма Кронемана*. В 1720 году *Август II Саксонский* отрубил голову алхимику — рыцарю *Гектору фон Клеттенбергу*. Саксонский электор *Август* доводит до самоубийства чудовищными пытками бывшего своего любимца *Давида Бейтера*, не сказавшего государю секрета трансмутации лишь потому, что этот секрет и в самом деле был ему неведом. Таковы позднеалхимические жития святых и лжесвятых²⁰. Впечатляющая галерея почти одинаковых индивидуальностей. Но именно индивидуальностей, притязающих на всезнание, на благоволение всему миру, на конечную тайну или же просто на личное мошенническое благо. Кризис соборного, корпоративного сознания христианского средневековья. Религиозная сверхтерпимость *Филалета* — тому пример. Распад алхимического сознания — выход из средневекового культурного контекста. Вещи эти исторически связаны, взаимообусловлены. Не потому ли все эти истории — не что иное, как истории балзаковской «Шагреновой кожи» и Пера Гюпта Ибсена, ряженных в одежды, взятые из герметического реквизита XVII—XVIII веков. Но именно здесь кончается алхимический миф как предмет рассказа; миф, ставший легендой. Начинается его глубинная трансформация в принципиально иное — в постоянно действующий фермент художественного сознания нового времени, окрашивающий это сознание в глубокие невыцветающие тона таинственных тинкториальных оборотничеств. Вместе с тем неизбежность алхимических вариаций в новой литературе с новой силой подтверждает микро-мифо-жизнь алхимии в макро-жизни средневековой культуры²¹. В путь!..

КАКОЙ ЖЕ ВИДИТСЯ алхимия послеалхимическим наблюдателям? *Френсис Бэкон* с высоты своего XVII века позволяет себе посмеяться или же попечалиться, глядя на бормочущих вздор, но ищущих истину алхимиков. Но и оценить то, что пошло в дело. «Если же кто-либо, — пишет он, — направит внимание на рассмотрение того, что более любо-

²⁰ Немало глумливое рассказывает также о проделках алхимиков-шарлатанов *Вольтер* (XVIII в.) в «*Dictionnaire philosophique*», подробно описав мошенничество одного розенкрейнера, действующего под псевдонимом *Алхимист*, при дворе *Генриха I*, герцога *Бульонского*. Этот мошенник скупил в аптеках города весь *глет*, подмешал к нему несколько унций *золота*, которые, понятно, извлек вновь. О том, что было дальше, легко догадаться.

²¹ Художественное сознание нового времени — естественное хранилище реликтовых фрагментов некогда живого мифа о золото-серебронкательских чаяниях. Но не только хранилище и не только фрагментов. Потому что вычитать алхимическое в новой литературе означает понять эту литературу в одной из ее граней как живую историческую память, мерцающую в язычески-христианских алхимических потемках. Но это означает также и способ постижения и собственно алхимического мифа, в свое время живого и значимого; пережить его заново, но уже как художественно осознанный факт. Алхимический миф в новоевропейской литературе — это, конечно же, менее всего литература об алхимии. Это литература ярчайших имен: *Шекспир*, *Гёте*, *Пушкин*, *Гоголь*, *Гюго*, *Томас Манн*...